

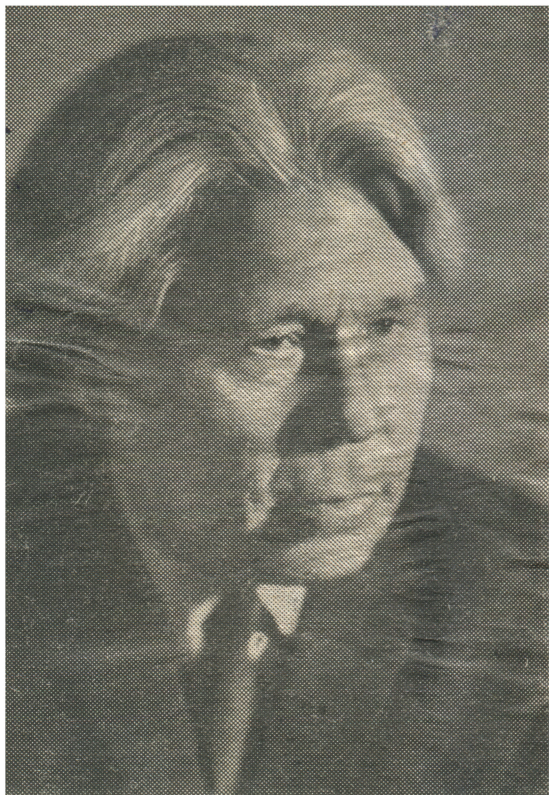
НАЗАР
НАДЖМИ

СПАСИБО
ЭТОМУ
ДОМУ

41 коп.

НАЗАР НАДЖМИ

СПАСИБО

ЭТОМУ ДОМУ

СТИХИ И ПОЭМЫ

*Перевод
с башкирского*

**СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1974**

В новую книгу Назара Наджми вошли стихи и поэмы, написанные в последние годы. Тема верности идеалам революции, преемственности поколений, преданности гражданскому долгу всегда живет в творчестве замечательного башкирского поэта.

© Перевод на русский язык. Издательство «Советский писатель», 1974 г.

СТИХИ

СОСЕД ПО ОГНЮ

Оттого ль, что когда-то, в былые года,
Высекали огонь из кресала,
В очаге у людей он не гас никогда,
В углях прятался искоркой малой.

Если все ж затухал (так бывало на дню)
И в золе не мерцало ни искры —
Каждый знал: у него есть сосед по огню,
Безотказный сосед, самый близкий...

О сосед по огню!.. В тот таинственный миг,
Когда пламя в душе угасало,
Шел я к людям — огонь доставал я у них,
Будто бы высекал из кресала.

Я желанье заветное в сердце храню:
Мне такого б огня хоть крупицу!..
Чтоб меня называли сосед по огню!
Чтобы людям — ко мне торопиться!

РОДНОМУ АУЛУ

Вдалеке от тебя о тебе я скучал
И слова своих песен тебе посвящал,
А приехав к тебе, исцелясь от тоски,
О тебе не писал ни единой строки.

Становился опять тем аульским юнцом,
Тем в родное гнездо прилетевшим птенцом,
Тем мальчишкой, чьи годы в тебе пронеслись
И свежи и хмельны, как твой белый кумыс.

Тем поэтом, в чьей ты обозначен судьбе,
Кто уйдет от тебя, чтобы петь о тебе.

Я — ЕДИН!

Едино всё — Земля, Луна,
Вселенский дым един,
И неделим я, как она,
Вселенной этой сын.
Да, неделим на дробь, на часть;
Ум, на душу деля,
Я не живу, ловчить учась...
Я — целый, как Земля.
Смотрю на горного орла,
Живи, как он, — един!
Утратив даже часть крыла,
Мы в небо не взлетим.

Я в Правду верую свою,
Мы — одного хотим.
Я за нее стеной стою...
Един я! Да, един.
От плоти плоть простых людей
(Все — тот же хлеб едим!),
Немыслим без земли своей —
Един я! Да, един.
Пою и песни не дроблю —
Мне часть, остаток им!..
Я только целое люблю,
Един и неделим!

ПРИГЛАШЕНИЕ ДРУГУ

«Приеду к вам, но когда?..»

(Из письма)

Когда позвать тебя — не знаю,
Чтоб погостил в моем краю,
Чтоб сторона моя родная
Запала в душу бы твою?
Не лучше ль выбратся весной,
Когда черемуха в цветенье?
Обрызган пеною лесной,
Ты соловья услышишь пенье —
Возможно ль на земле прожить
Без этих запахов и цвета?!..
А может, лучше отложить
Приезд твой до косьбы, до лета?
Хоть нет романтики былой
В косьбе — очарованье длится:
Бушуют травы пред тобой,
И нет им края и границы.
А море луговых цветов?
Весь день ты по нему пробродишь...

А краски ягод? Нету слов!
А вкус? И впрямь язык проглотишь!..
И ненаписанным стихам
Раздолье здесь — текут, как реки!..
А может, ты приедешь к нам,
Когда в лесу пойдут орехи,
Когда, ползя в овражках вниз,
Нальется соком ежевика?..
В преддверье осени явись
И здесь подольше поживи-ка!
...Пылает желтизна листа,
Зажженного природой властно.
И умирает красота —
И в гибели она прекрасна...
Но осенью — не приезжай:
Грусть осенью в груди таится —
Не оттого ль, что в дальний край
Мою уносят радость птицы?
Зимой, зимой!.. Такой зимы
Нигде не видел ты!.. Под солнцем
С тобой помчимся вихрем мы
На тройке с медным колокольцем!
Под белым облаком, в снегу,
По свету белому, по белой
Дороге!.. Больше не могу
Писать!.. Как ты захочешь — делай!
Когда захочешь — сам реши:
Хоть осенью, в конце, в начале,—
Ведь кратковременны печали,
А твой приезд — весна души!..

БЛАГОДАРЕН

Спасибо этому дому.
(Народное изречение)

Спасибо. Я был в вашем доме, жил.
Земля этот дом — и звезда, и глыба.
Я был в нем, трудился, грустил, гостил,
Жаль — только гостил. И на том спасибо.

Уж больно хорош он. С таким трудом
Его мы отстраивать научились,
О дом, ненаглядный наш, добрый дом,
Сколь многие с ним навсегда простились!

Не обессудьте, простите нас,
Коль что и не так — не идти ж к другому...
Когда прозвенит он, последний час,
Спасибо скажу я этому дому.

ХЛЕБ, СОЛНЦЕ...

Детство, уловки, невинность грехов,
Клятвы на каждом шагу.
Изгородь, яблони, шорох шагов...
Я в темноте бегу...
С грядки соседской кривой огурец...
Было — вина моя!
Клялся: «Ей-богу (прости, творец!),
Это не я, не я!»
Детство... Отчаянное вранье —
«Солнцем, хлебом клянусь!».
Детство! Невиннейшее мое!
Нынче не дотянусь.
Совість чиста, и пустячен грех,
Высшая вера — хлеб,
Матерью данная, прежде всех, —
В ней я возрос, окреп.
Первая школа, навек одна,
Главный — из всех! — урок.
Жизни наука. При мне она.
Смысл ее прост и строг.
Он из неписаной книги взят,
Совість веков в нем есть —

Сушья правда, что хлеб наш свят,
Кровь в нем земли и честь.
Труден он. Шутки опасны с ним.
Всяческий спор нелеп.
Пусть солнце зовет нас, к нему летим,
А хлеб он и нынче — хлеб.
Первая школа — навек одна,
Главный из всех — урок...
Жизни наука! При мне она.
Вьучил назубок.
Пусть же я буду забыт тобой,
Проклят тобой, земля,
Если однажды сытой рукой
Хлеб оскверню твой я.
Пусть и стихи от меня сбегут,
Мир обратится в склеп,
Если крестьянский забуду труд,
Сверху взгляну на хлеб.

ПРИВЕЗИ МОЕГО ОТЦА

Моему племяннику Рамилю

Когда я вернулся с войны,
Был маленьким мальчиком ты.
Я помню, ты часто стоял
И глаз не сводил с высоты.
Я помню — вдали самолет
И тонкий твой голос вблизи.
Кричишь ты: «Э-гей, самолет,
Отца моего привези!»
Гудели моторы вверху,
Не слыша тебя, милый мой,
И что им!.. Известно, с войны
Не всякий приходит домой.
Не всякий... Теперь ты и сам
Высо́ты познал до конца,
Но кажется мне, до сих пор
Летишь ты и ищешь отца.
Летишь, и глядит детвора
Вслед, глаз не сводя с высоты,
И бегают дочка твоя
Вдоль улиц, где некогда ты...

А я все забыть не могу,
Все слышу сквозь даль, как вблизи:
«Э-гей, самолет, самолет,
Отца моего привези!»

НЕ ИЩУ...

Погибших мы всё еще ищем,
Неищущих, кажется, нет.
Но им до того ли — погибшим,
Что, сколько ни минуло лет,
Ушедших мы всё еще ищем?..
Тыходишь опять в мои строки,
Пропавший без вести солдат..
Давно миновали все сроки,
Но я не ищу тебя, брат.
Без вести. Без вести. Без вести..
Но я не ищу тебя — нет!
Боюсь, что найду тебя, если
Напасть доведется на след.
«Он сам возвратится, поверьте,
Не надо искать — он в пути...» —
Сказала нам мать перед смертью..
Ушла она... Вести о смерти
До мертвых не могут дойти.
Живым для нее ты остался,—
Придет и мой час умереть..
Тебя я найти не пытался:
Живым оставайся и впредь...

ДВА ВСАДНИКА

«...Россию поднял на дыбы...»

А. Пушкин

Два всадника — в порыве резком...
Одна дорога — две судьбы...
Один взлетел на берег невский,
Другой — поднялся на дыбы
Над Белой...
Властью облеченный
Один — с простертою рукой,
И на коне разгоряченном
У берега застыл другой...
Один — великою царицей
Отлит из бронзы на века.
Другого — в кандалах в темницу
Ее же бросила рука...
Один, вперед скача победно,
По воле гения воскрес,
Расправив крылья — Всадник Медный —
Под сенью северных небес.
Другой же — в безымянных песнях

Обрел бессмертья торжество,
Встав из глуби веков, воскреснув
В душе народа своего.
И вот сейчас он — всадник смелый —
Землей любит свою...
Вдаль взоры устремив — над Белой
Он взмыл — не выше ли царей?..

ТРИ ПЕСНИ ЖИЗНИ

1

О жизнь, ты старой песней оказалась...
И я тебя, наматывая в строки,
Сложил, как песню. И она вписалась
В страницы времени — в скупые сроки.
Той песни моя молодость касалась,
Казалось — птицей взмлет в поднебесье!
Но песня та — незвонкой оказалась,
И я сказал: сложу другую песню.

2

Дороги, годы! Жизнь свою сплетал
Из вас, как мог. Искал, плутал, летал...
Моей земли и радость и беду
Я на плечи взвалил. Так и бреду...
Из жизни искры, словно из кремня,
Я высекал: о как я ждал огня!
Но песня не звонка и в этот раз...
Я лучшую сложу — наступит час...

Прочь уходящим молвят: до свиданья!
Навек ушедшим говорят: прости...
Один есть путь, известный всем заране,—
Последний путь. Его не обойти
Околицей. Не ляжет он сторонкой...
И я скажу, тот завершая путь:
Что ж, оказалась песнь моя незвонкой...
Но лучшая — вспарит когда-нибудь.

* * *

Космонавты говорят: «Земля
Так мягка в минуту приземленья!..»
Эта ль мягкость матери-земли
Нашему досталась поколенью?

На ее камнях я спал не раз,
Рыл окопы, когда пули пели...
Видно, неспроста тебя, земля,
Люди окрестили колыбелью.

Так мягка — от материнских рук,
От тепла их и прикосновенья,
Ты, земля,— и мать и колыбель
От рожденья до успокоенья...

ЧТО ЗА ДЕНЬ!

22 июня 1969 года

Забуду ль тот июньский день воскресный,
Залитый жарким солнцем золотым,
Когда вдруг охватили свод небесный
И землю всю вокруг огонь и дым...
О горе городов и деревень!
Уж сколько лет с тех взрывов миновало,
Но чудится: а вдруг опять — сначала...
И именно сегодня, в этот день...
Горящий день... Горчайший день войны...
Проклятый, черный день ее рожденья...
...И надо же — такое совпадение!
Июнь.
Двадцать второе.
Воскресенье,
Селенье в окруженье тишины...
Вновь воскресенье...
Сабантуй намечен...
Такой вчера был ясный звездный вечер!..
Солнцестоянье? Хлынул проливной
Дождь навесной!

И надо же — такое
В день сабантуя! Так не повезло!
Все по домам сидят. А дождь — рекою
Разлившейся бушует, как назло!
На пастбище уныло бродит стадо,
В домах ютятся люди — мал и стар,
Да овцы — украшение отар,
Что предназначены борцам в награду...
Батыры чувят: этакой поре
Конец нескоро — ну и беспорядки!..
Глаза у ребятишек — во дворе:
Бежать бы! — так и чешутся их пятки!
А ливень льет. И под водой майдан,
Что для борьбы и скачек предназначен.
Ну, что за день!
Сплошные неудачи!
Солнцестоянье? Чепуха, обман!
Бранили люди зарядивший ливень,
Что лил и лил, никак не уходя...
А день прошел... И не было счастливей,
Благословенней этого дождя!..

РАЗГОВОР С ДЕРЕВЬЯМИ

Слетающей листвою шелестя,
Птиц ищите в тоске невыразимой,
Мои деревья!.. С вами вместе я
Еще одну перезимую зиму.

Легко ли это — перезимовать?
Кому трудней — и не решишь в мгновенье...
У вас ли мне терпенья занимать?
Вам у меня ли занимать терпенья?

Зима всех ставит на свои места:
Мне — кутаться, вам — сбрасывать наряды.
Кого-то, может, красит нагота,
Вы ж без одежд — черны и неприглядны.

Вновь листья ваши сыплются, звеня,
И над землею, медленные, кружат...
Замерзну — вы согреете меня...
А мне как быть, когда вас схватит стужа?..

* * *

Лежачий камень обрастает мхом,
Ходячий камень делается гладким...
Чуть не весь мир мы обошли кругом,
Всё испытали на пути некротком.

Вставали мы и падали стократ,
Немало бед на нашу долю пало...
Мои друзья? Жизнь многих обкатала...
А я — рябой, а я — шероховат.
...Ходячий камень —гладок, говорят.

КОСТЕР

Осенний день. Накапывает дождь.
Что ж, осенью иначе не бывает.
Но мы не замерзаем... Для чего ж
Зажжен костер? Зачем огонь пылает?

А мы зажгли — хоть не идем на свет
Того костра, хоть он нас и не греет...
Он — словно незадачливый поэт:
Не потухает и не пламенеет.

НЕ УВИДЕЛ БЫ СЕГОДНЯ...

1

Все белым-бело, как в сказке: первый снег летит
с небес!
В призрачном дрожащем свете — хлопьев белая
гора...
Первый снег летит на землю — что за чудо
из чудес! —
Не увидел бы сегодня, если б умер я вчера...

2

Нет других таких на свете черных глаз! Их взор
ловлю...
Темный лес, небес сиянье,— о блаженная пора!..
Глядя мне в глаза, сказали черные глаза: «Люблю...»
Не узнал бы я об этом, если б умер я вчера...

3

Бренный мир... Он беспощаден,— верно люди
говорят:
Есть еще злодеи в мире, еще длится их игра.

В светлую живую душу черный впрыскивают яд:
Не узнал того б сегодня, если б умер я вчера...

4

Праздник входит в двери друга — радость полнит всё
кругом!

Говорю я: пусть над миром воцарится свет добра!
Вот из дома друга праздник перебрался и в мой дом,—
Не увидел бы сегодня, если б умер я вчера!..

* * *

Оттого ль, что быстро привыкаем
К счастью — если встретится в пути,—
Радость с гору — мы не замечаем,
Горе с кочку — нам не обойти...

Кочка пред горой... Видна ли взору?
Да какое там!.. Но — примечай:
Падаем — споткнувшись не о гору,
А задев за кочку невзначай.

ДОЖДЬ ИДЕТ

Сплошь вода — до самой дальней дали:

Дождь идет.

Радостен один — другой в печали:

Дождь идет.

Радостно земле: для трав, для хлеба

Дождь идет.

И за землю радуется небо:

Дождь идет.

Мы наедине, под теплой крышей:

Дождь идет.

Наших тайн никто чужой не слышит:

Дождь идет.

И сердечной нет конца беседе:

Дождь идет.

Нет, не зря сейчас на белом свете

Дождь идет.

Мы одни под кровлею надежной:

Дождь идет...

Уж не зависть ли кого-то гложет?

Дождь идет.

Лучшей и не пожелаешь доли,—

Дождь идет.

А другим сегодня хорошо ли?..

Дождь идет.

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Три часа осталось до рассвета,
Через три часа уедешь прочь...
До рассвета — три часа, и это —
Словно три минуты... Чем помочь?
Как продлить их?..
Нам оставив полдень,
Уезжаешь через три часа...
Остается солнце...
По три, по две
Звезды покидают небеса...
Будет вновь закат. И в отдаленье
Вновь зажжется за звездой звезда.
Эти дни, минуты и мгновенья
Сложатся в недели и года...
Все еще повторится на свете —
Смены суток, года времена.
Ты приедешь, чтобы на рассвете
Снова бы грустила тишина...
Не повторятся минуты эти,
Этот предрассветный светлый сон:
Завтра будет уж вчерашним он...

ЖИЗНЬ

Пронесся я, жизнь, по дорогам
Верхом на крылатом коне,
Твоим причаститься тревогам
И радостям выпало мне:
Я мчался на быстром коне...

Бросая с улыбкой мне вызов,
Ты в путь увлекала меня.
Сама ж, из воды меня вынув,
Швырнула в пучину огня.
Ты в путь уводила меня.

Все будет еще: и потери,
И беды, и радость, и грусть.
Люблю тебя верно и верю:
Ответной любви я дождусь —
Всё будет: и радость и грусть...

ИЗ ВОДЫ

О сказка детства, ты всегда жива,
Хоть и прошло оно и не вернется...
Вновь слышу материнские слова,
Что, мол, она нашла меня в колодце.

Я, в самом деле, верно, из воды,
Процентов, говорят, на девяносто...
Что с этим спорить? Право, нет нужды!
О том писали и твердили в досталь.

А не похож ли я на шар земной?..
А на земле воды-то разве мало?
Речной, и дождевой, и ключевой?..
О как они поют — ключи Урала!
О сколько родников в горах у нас,
И каждый — звонкий неумолчный саз...

В стихах моих, наверно, оттого
Так много родников
И рек немало,
И песни все народа моего
У вод земли моей берут начало.

Процентов девяносто в нас — вода:
О сколько в ней блаженства, сколько силы!
Конечно, без огня не жизнь — беда!
Но ведь и без воды — невыносима...

Какие грузы ни несет вода!
И сколько из нее исходит света!..
Хоть и грозит несчастьем иногда,
Щедротами ее жива планета.

Коль выхожу порой из берегов,
Безумствую — вы не судите строго...
Вода порою рвется из оков,
Не чужды ей ни радость, ни тревога.

О грезы детства! Рвусь душою к ним...
Хоть детство далеко и не вернется...
Иль в самом деле, факт неоспорим,
Что мать моя нашла меня в колодце.

ГОРЫ И РЕКИ

Я в горы влюблен. Я навеки
Влюблен в полноводные реки.
О как и одни и другие
Похожи на судьбы людские!

Но как ни пленен вышиною,
Не рвался к ней сам никогда я:
И так убелен сединою
Я — словно вершина седая.

Реке я подобен: дорогу
Себе самому пролагаю,
То бурно срываюсь с отрогов,
То медленно вдаль убегаю.

ИДУТ СНЕГА

Птица души моей, не выдержав тесноты,
улетела из клетки этой жизни.

Габдулла Тукай

Идут снега, идут снега,
И в мире рано гаснет свет,
Затихли речки и луга,
А певчих птиц простыл и след.

Идут снега, идут снега,
Леса, продутые, стоят.
Они раздеты донага
И стоя спят, и стоя спят.

Но и во мне снега идут,
Во мне самом — который год...
И лес мой начисто продут,
Вот-вот последний лист падет.

О жизни чаща, тесно в ней,
Не все проклюнулись цветы,

Не все былинки между пней
Дошли до синей высоты.

В ней были годы, как стволы,
Что не восстали из земли,
И песни, чахлые орлы,
Что взмыть в пространство не смогли.

Эй, жизни клетка мне не раз
Была узка... Из тесноты,
Как птицы ввысь, душа рвалась
И оббивалась о пруты.

Идут снега, снега идут...
Бел от снегов мой полувек.
Лежат снега и там и тут...
Пусть добрым будет новый снег!

МИЛЯШ¹

В саду под окнами моими
Шуршит миляш,—
Ее здесь посадил когда-то
Мой брат Гиляж.
Я рос, рвалась со мной рябина
Вверх, в вышину.
Но пробил час, ушли мы с братом
На ту войну.
Вернулся я, стою и плачу —
Миляш цветет.
Я здесь, миляш, а он обратно
Уж не придет.
Бела весной, красна к морозу,
Стоит миляш.
А мать глядит, вздыхая тихо:
— Где наш Гиляж?.. —
Я в летний зной в тени зеленой
Пишу порой,
Пишу и вдруг вздохну: «Спасибо,
Мой брат родной!»

¹ М и л я ш — по-башкирски рябина.

Мне даже кажется, что птицы,
Слетясь в наш сад,
Его по-своему, по-птичьи,
Благодарят.

Когда уйду, мне ветки машут
И вслед глядят,
Как будто это брат мой старший,
Мой старший брат.

ПЕСНЯ О КОРОВЕ

Коровой
Открывается коран.
С нее, с коровы, начал Магомет.
Не смейтесь!
Может, ей, корове, дан
Высокий жребий —
Мир спасти от бед.

И не коран, а жизнь собой начав,
Кормилица,
Бредет она, тиха...
Но кто из нас,
Рифмующих в ночах,
Ее прославил голосом стиха?

Недобрая
Летит ей вслед молва,
И, бранное, звучит сто лет подряд:
«У, бестолочь! Пустая голова!
Корова!..» И — «тупой коровий взгляд».
Смеются:

И — «корову разъярить,
Так может стать отчаянней коня...
Брыкается и норовит убить»!
О клевета!
Поклеп средь бела дня!..

Как снять с бедняги
Ложную вину?
Отчаянней коня! Сильней вола!
Когда ушли мужчины
На войну,
Корова
Целый мир поволокла,
Без возмущенья втиснулась в хомут
И потащила в поте. Чуть сыта.
Ее пасли — кто как, то там, то тут,
Доили,
Не снимая хомута.

И вывез он,
Коровий тихий нрав,
Была любая тягость вмоготу.
Не ей судить,
Кто прав, а кто неправ,
Она не ждет наград за красоту.

И памятников нет ей
До сих пор.
Нехватка бронзы, меди...
Время мчит,
С лошадки пересело на мотор,

А мир и до сих пор
Коровой сыт.

Не лишняя она
И в быстрый век.
Как без нее, тупой,
Наш умный мир?
Ведь он предпочитает, человек,
Чтоб мясо, молоко или кефир...

И оттого бранить ее — нельзя...
Вон движется, качаясь, как весы,
И, улыбаясь,
Смотрит вам в глаза
Средь кинозвезд
С газетной полосы.

Смеетесь:
И — «корову разъярить,
Так может стать отчаянней коня...
Брыкается и норовит убить»!
О клевета!
Поклеп средь бела дня!..
Отчаянней коня. Сильней вола.
Впряглась в хомут и мир поволокла.

И Я ОСТАЮСЬ...

Давно уж птицы певчие умчались,
Листою желтой замело дороги.
Одни немзыкальные остались,
Непевчие — синицы да сороки.

Непевчие остались... Отчего-то
Не улетают прочь...
И у меня ведь,
Как и у вас,
Есть крылья для полета
И есть земля, что не могу оставить.

И что земле родной судьба судила,
То суждено и нам: и зной, и зимы...
Мы с нею — от рожденья до могилы,
Мы от нее — вовек неотторжимы.

Как доля перелетных птиц завидна:
Как любят их, как ценят их, гостящих!..
Зимующие, мне порой обидно,
Что вам цены не знают настоящей...

Как вы, я землю не могу оставить,
Где родился,
И через перевалы
Лететь куда-то прочь...
И у меня ведь
Нет песни, что поется где попало...

* * *

Не странно ли, что с каждым днем
Встречаюсь с горем я все чаще?
Иль ветер буйствует свистящий
Нещадно на пути моем?

Не лист я, в свой последний час
Поникнувший под мгlistой далью.
Нет! Ветры времени всех нас
Равно ласкали и трепали.

Беды и радости — вдвойне
Нам время выдало... Всем — досталь!
Судьбу, назначенную мне,
Я сердцем принял сразу, просто.

И радость в песню я вложил:
Пускай парит в земном просторе!
А горе?... С ним живу, как жил:
Мое при мне осталось горе.

Пустить ли по ветру его?
Потом — ищи, как ветра в поле...
Нет! Выпавшее мне на долю
Оно — часть сердца моего!

СКВОРЦЫ

Мальчиком я был тогда... Сидел я
Целыми часами, день-деньской,
Глядя на скворечник, что я сделал
Сам — своею собственной рукой.
Замерев, сидел я — в ожиданье,
Что скворцы влетят в него вот-вот.
Но, оставив домик без вниманья,
Птицы продолжали свой полет, —
Не садились: выбирали, видно...
Глядь — и поудобнее нашли!
Ах, как было мне тогда обидно
Видеть, что соседний предпочли
И, в другом устроясь, песни пели
День-деньской веселою весной...
Детство... Отчего ж, на самом деле,
Птицы так пренебрегали мной?
Ждал я терпеливо, чуть не плача,
Не одумаются ль, наконец?
Но в моем — такая незадача! —
Не гнезвился ни один скворец.
«Молодцу и ста ремесел мало!» —
Эту мудрость знал я с давних пор.

Жизнь меня учила, наставляла,
Мне вручив лопату и топор:
— Ведь не зря зовут тебя Наджаром¹—
Имени всегда достоин будь:
Мастеру все рады, и недаром
Перед ним любой распахнут путь!.. —
...Сорок весен надо мной витали —
Годы, годы, годы... Сорок раз,
Как скворцы, являлись, улетали,
Дав на сорок тысяч дел наказ...
Сорок тайн узнал земли и неба,
Бытия я понял волшебство...
Как узнать мне — был я или не был
Имени достоин своего?..
Жизнь! Влюблен я в карандаш, бумагу,
В лето, осень, зиму и весну,
В твои воды и в твою отвагу,
В твою скорость, в шум и тишину.
Мир опять в лучах и красках внешних...
Радуюсь, гляжу я день-деньской
На скворцов, обживших мой скворечник,
Что я сделал сам — своей рукой...

¹ Н а д ж а р — по-арабски мастер.

ОГНИ, МИНУТЫ...

1

Вечный огонь на земле,
Красный — из черной земли.
В полночь и в утренней мгле
Вспышки вблизи и вдали.
Вечный огонь под землей,
Свет непогасших минут...
Ввысь над водой под золой
Струи горящие бьют.
Меркнут минута и час.
Только б огонь не погас!

2

По земле рассыпаны
Вечные огни...
Жизнь идет... И светятся
И горят они.
Искрятся минуты,
Полыхают дни!

**И не гаснут вечные
Млечные огни...
Гаснут лишь минуты,
Догорают дни.**

ЗАГИРУ ИСМАГИЛОВУ

Где-то все блуждает эта песня,
Мной тебе непосланный привет, —
В гуле дней, где суетно и тесно,
Иль у вод Сермена, в дреме лет.
Пусть бредет, пусть песней друга бредит:
Мать-земля, на то она и мать,
Чтобы внука с песней, жившей в деде,
В утешенье правнукам рожать.
Слава травам, рекам, вешним птицам.
Песни наполняющим твои,
И земле, где могут уродиться
Вод и звуков свежие струи.
Слава всем ветрам над нашим краем,
Где века подряд поет курай,
Ты и сам ведь в чем-то схож с кураем,
Вросшим, словно стебель, в отчий край.
И пускай звучит тысячелетья
Песня, что равна себе самой,
Что растет естественно, как ветви,
Как листва весной, как снег зимой.
Как живет привязанность людская,
Истинно, без поз, не напоказ...

Но не та, что славит нас, лаская,
Сладострастно метя пулей в нас.
Метит! Пусть. Пусть сыплет пули градом,
Мужеству мужчины мера — бой.
Впрочем, слишком долго шли мы рядом,
Чтобы нас испытывать с тобой.
На огонь грядущих лет не дую,
Но вслед тем, которые прошли,
Благодарно голову седую
Я склоняю низко, до земли.

ЕСЛИ ОНИ В ПУТИ

Не только другу, но и врагу
мы не пожелаем зла...

(Из народной песни)

Чужды были для меня и странны
Всякие приметы и поверья.
Хоть вовек не верил им, теперь я
Чувствую — как будто след от раны,
Чуть заметный, еле видный след
Этих предрассудков и примет...
Помню я, из льна однажды мать
Стала холст мне на рубаху ткать
И сказала, севши за станок:
— Выбеги на улицу, сынок,
Да поторопись-ка возвратиться!.. —
И вернулся мигом я домой...
— Ты летящей не видал ли птицы?
— Нет, — сказал я, — не было такой.
— На глаза тебе лежащий камень
Не попался ль? —
Был ответ готов.

— Как же — видел! — сообщил я маме...
С горечью всплеснула мать руками:
— До чего ж ты, мальчик, бестолков! —
...Позже я узнал, что по примете
Должен был другое я ответить:
«Я не видел камня у ствола,
Видел птицу в высоте полета!..» —
Чтоб нога моя легка была,
Чтоб легка была ее работа...
Ах, какое огорчение маме
Я доставил тем далеким днем!
Собственными видел я глазами,
Как она склонялась над холстом:
Стали нитки путаться и рваться,
И тогда мне начало казаться —
Это мои радости и счастье
Рвутся — распадаются на части...
И остался на душе осадок...
С той поры уж сколько лет подряд,
Если с кем беда ли, непорядок,
Думаю: не я ли виноват?..
Не меня ли встретили, в дорогу
Отправляясь на исходе дня?
Может, охватила их тревога
Из-за непутевого — меня?..
Тяжела моя нога, как в детстве, —
В ней причина неудач и белствий..
...Чужды были для меня и странны
Всякие приметы и поверья.
Хоть вовек не верил им, теперь я
Чувствую — как будто след от раны,
Чуть заметный, еле видный след

Этих предрассудков и примет...
А потом я услышал иное —
Легкой, мол, рука моя была:
Кто-то, встретившись в пути со мною,
Завершил успешно все дела...
По каким дорогам бы ни шел я,
Я встречал и друга и врага.
Для одних — нога была тяжелой,
Для других — всегда была легка.
Не в моей, как говорится, власти...
Так бывало: я тут ни при чем...
Я-то всем желал добра и счастья,
Кто встречался на пути моем.

ТЯЖЕСТЬ

Все в мире тяжело, —
Так повелось от века, —
И холод, и тепло —
Всё трудно человеку.
И камень,
И вода,
И сталь,
И воздух даже,
Под плугом борозда —
Какая это тяжесть!
Луч солнечный — и тот
Порой нас держит в страхе,
И стонет пешеход
Под тяжестью рубахи.
Рождение — колдовство,
И смерть — неотвратимость.
Всё трудно... А всего
Трудней — необходимость
В борении с судьбой
Не отступить, не сдаться,
К концу — самим собой,
Сами собой остаться.

Разлуки — тяжелы,
Трудны порою встречи,
Но я их, как узлы,
Готов взвалить на плечи.
Провалы на пути,
И чувство без ответа, —
Но человек нести
Способен тяжесть эту.
Но если друг — врагом...
Как в ясном небе — гром...
Тогда беда — огромна
И тяжесть — неподъемна...

ЯНГАН-ТАУ ¹

I

Горящая гора! Пласты пород горят,
Дымишь, и, значит, вся заполнена огнем,
Так, масляный горшок завидя, говорят:
«Блестит со всех сторон, — знать, много масла
в нем».

Горящая гора! В горении твоём
Скрыт великий смысл, волшебной тайны
власть:

Ведь люди, дотащась к тебе с большим трудом,
Уходят прочь, испив целебной силы всласть.
Горящая гора! Спасибо, что горишь.
Наверно, это труд — гореть день изо дня,
Гореть, и исцелять, и полнить гулом тишь,
И жить лишь для того, чтоб не гасить огня.
Наверно, в этом смысл! Гореть... Живем — горя,
В горении пишу, горю, чтобы любить,
И верю, что огонь горит во мне не зря:
Кому-нибудь и он на пользу, может быть.
Конечно, разный срок огню, что скрыт внутри.

¹ Я н г а н - т а у — горящая гора. Естественный газ и жар ее являются лечебными средствами.

Кто я? Я не гора, я только человек.
Могильной мглой дохнет — и, как там ни гори,
Во тьме и холоде замрет твой краткий век.

II

Оттого ль, что белым-белы
Янгантауские березки,
Здесь и беды менее злы
И заботы не так уж хлестки.
Ну конечно, березам — честь,
Но не только они тут славятся,
Тоньше белых березок здесь
Янгантауские красавицы.
И стройны они, и чисты —
Роща звонкая синью летнею...
Ах, гора, хоть целебна ты,
Но их взгляды еще целебнее.
Мчится жизнь!.. Под уклон и вскачь...
Повстречаешься с белолицею,
И душа заболит, хоть плачь, —
Уравняется с поясницею.
Да, всему-то свой срок и час,
Нам — гора, ее жар и жалость,
А красавицам, им не нас —
Им других исцелять досталось!

III

Сколько лет
Еще гореть?
На костре стою...

Землю я хотел
Согреть,
Жизнь согреть свою.
Я влюблялся
И горел,
Погорел на том.
Я стихи писал —
Горел,
Жег за томом том.
И теперь еще
Горю,
Век в огонь смотреть,
И спасибо
Говорю,
Что могу гореть.

ЯЗЫК ЗЕМЛИ

Земной простор — он величайший мастер,
Певец, художник, он творить готов:
Напевы птиц — в его извечной власти,
Цвет трав, звон ветра, запахи цветов, —

Всё это для земли — не струны ль саза?
Поет земля — мир, слушая, притих...
Земля, не прожил, верно б, я и часа,
Когда бы слов не понимал твоих.

* * *

Хакиму Гиляжев

Остановись, мгновенье...

Гёте

Мгновенье! Вспышка!
Острой пули свист...
Остановись, мгновенье?
Пронесись!
Не задержись, мгновенье,
Мимо мчась,
Мгновенье
Вечной раной
Входит в нас.
На улице, у перекрестка,
Вдруг
Я друга встретил,
Бледен был мой друг.
На костылях провис он
Тяжело,
Не мог идти —
Его мгновенье
Жгло.

Оно в нем столько лет
Уже живет,
Мгновенье это, —
Спуску не дает.
Как будто
Вам всего по двадцать лет.
Как будто бы
Конца мгновенью
Нет.
И волосы — не в седине,
В пыли,
Тряхнешь — и нет,
Лишь облачко вдали.
Тряхнешь... Но годы с нами,
Белый дым...
И рана в теле друга,
Вечно с ним.
Прекрасное мгновенье,
Погоди!
А ты, тупое, злое, —
Прочь лети!

МОЕ ЦАРСКОЕ СЕЛО

...Отечество нам Царское Село.

А. Пушкин

Пристанище у всех поэтов есть,
Как у любой вершины — основанье.
Миништы! Всех начал начало — здесь,
О, Царское Село, приют мой ранний!

По-царски район наш богат,
И все есть в деревне моей.
Нет в ней только царских палат,
Да золота нет, да царей.
Но есть золотая земля
И души людей золотых,
И есть золотые поля,
И золото зерен на них.
Есть здесь и цари, посмотри, —
Махмуд, Шарифьян... А отец?
Цари ведь, царям всем — цари,
И что им венец, наконец!..
Отец мой был истинный царь, —
Как пел он — куда там царям!

А песня ценилась и встарь
И ныне не лишняя — вам.
На всех сабантуях у нас
Прославился голос его...
Ах, если б успел я хоть раз
Взглянуть на отца моего!
И многих — в ряду моих дней —
Я видел людей — без конца.
И равных царям, и царей,
И только не видел — отца.
А отчий мой дом был дворцом,
Сияющим и золотым, —
Солома блестела на нем
Торжественным блеском своим.
И что ни возьми, наугад, —
Все было роскошно вокруг:
Предгорья и солнечный сад,
Медовые липы и луг.
Дубравы, прохладные в зной,
И лебеди в сини озер,
И яркость цветенья весной,
И царственный лета убор.
Мой край — это щедрость земли,
Богаче он царских богатств,
Какие цари бы смогли
Создать то, что край наш создаст!
Ах, край мой! Здесь каждый — поэт,
Здесь школа — почти что Лицей...
Второй такой, думаю, нет —
Поспорить со школой моей...
Амбар, перестроенный в класс;
И Ленина давний портрет,

Глядевший на доску, на нас,
На мой полотняный бешмет.
И слушал внимательно он,
Смотрел на нас, щурясь светло,
И видел сквозь стекла окон
Все Царское наше Село...
О здешних царей сыновья,
Союз наш прекраснейшим был!
Здесь, валеный мяч свой гоня,
Мы все выбивались из сил,
Вонзали сто стрел в небосвод
И мчались в степи на конях,
Рубах наших парусный флот
Вздучался в безоблачных днях...
Здесь шел я, вцепившись в свой плуг,
По вешнему полю босой,
И искрился солнечный круг
Над первой моей бороздой.
Здесь первый мой стих зазвучал
И робкое слово вошло...

Миништы... Начало начал...
О Царское наше Село!

ДВА КАМНЯ

Наталии Пушкиной

Что это вдруг с душой моей?
Обида, ревность, боль теснится...
Игра судёб не в громе дней,
Судьба, она столетья длится.

О эти игры! Рок, мечты...
Один клубок, в сплетеньях вечных.
Две черных каменных плиты,
Два знака жизней быстротечных.

Наталия, о Натали,
Прославленная в дивных строчках,
Под этот камень Вы легли,
Под тот — Ваш муж. Два камня прочных.

Что это вдруг с душой моей —
Обида, ревность, страсть мужская?
Вы — Пушкина. Судьбой своей.
Вы Пушкина, Вы не Ланская.

Пусть крест над ним в другом краю,
Вы часть его, лишь Вы — с ним рядом...
И я смотрю на Вас, стою,
Столетия обнимая взглядом.

Сквозь них смотрю... Я в Вас влюблен...
Мечта запретна, несуразна?
Пуškai... В красавиц всех времен
Мы влюблены однообразно.

Восточной крови адский жар,
Он и во мне притих с годами,
Но скорбь и ревность — всё смешал,
Разжег во мне Ваш черный камень.

Но что теперь Вам гнев судей,
Темны чужой беды пределы...
Стою над тишиной камней —
Зачем один из них не белый?

Зачем, зачем... В душе моей
Обида, ревность, боль теснится.
Игра судёб не в громе дней,
Судьба, она столетия длится.

* * *

*Народной артистке Татарии
Рашиде Зиганшиной*

На зимнюю Казань ложилась мгла.
Все краски стужа, не щадя, стирала.
А женщина сквозь зимний холод шла
И путь певца цветами устилала.

Судьба поэта солнечна порой,
Порой являет грустную картину...
О женщины! Судьбы двуликой той
Вы делите какую половину?

А что — дороги ваши иногда
Цветами устилали ли поэты?
Любовь их — проходила без следа?
Пришла — ушла? Ищи-свищи по свету?..

На вас извечно падали лучи
Их вдохновений, — чтоб потом навечно
Вы, превратившись в звезды, не в ночи
Вдруг засверкали — в душах человеческих.

Матильда — Гейне... Пушкин — Натали..
Бернс — Дженни... О, вы были, были, были!..
И в этот ряд имен в наш век легли
Еще другие: Амины — Джалиля...

Чтоб просиять, чтоб длиться и сейчас,—
Одно мгновенье Анны Керн воспето.
Красавицы! Не для себя — для нас
Вас славили великие поэты.

Красавица сквозь зимний город шла —
Поэта путь цветами устилала..
На зимнюю Казань ложилась мгла,
И стужа краски, не щадя, стирала.

* * *

Ушла... Ни полслова прощанья,
Ни взгляда...
С усмешкой холодной
Я думал: писать завещанье?
С ума не сойду!..
А — сегодня...

Ушла. Ни полслова прощанья.
Домой возвратилась,
Домой ли?..
Наш век сократил расстоянья,
Но это —
Не сблизитшь прямою.

Неужто так все в этом мире —
У всех
Свой предел. И разлука.
Как звезды в бессолнечной шири,
Разъяты
На вечную муку.
И звездных судеб миллионы
Бледнеют

При вдохе рассвета,
И каждой во тьме небосклона —
Свой путь...
И сближения нету.

Ушла... И она... На рассвете.
У каждого путь свой —
Но все же...
Не звезды мы! Есть же на свете
Хоть что-то,
Что сблизить нас может.

* * *

«То ты жарок, как огонь,
То ты холоден, как лед,
То горит твоя ладонь,
То смертельной стужей жжет»...
Недовольна ты, а мне
Что сказать тебе в ответ?
Только звездам в вышине
Просто лить свой ровный свет,
Только им... Но посмотри —
Ночь, и день, и туч гряда;
В бездне тьмы, в луче зари —
Равный свет нам шлет звезда.

ПРИДЕТ ОНА ИЛИ НЕТ?

Я девушку, прелестное создание,
Увидел и назначил ей свиданье.

И вот стою и жду,
И час, как год.
Стою и жду:
Придет иль не придет?

И кажется мне —
Где-то и когда-то
Я видел этот взгляд,
Мечтой объятый.

В него вошла
Вся красота земная,
И он в меня вошел,
Насквозь пронзая.

И жжет огнем,
И больно, как в аду...
Придет иль нет она?
Стою и жду.

Мне кажется,
Что где-то... Нет! Но все же...
На молодость мою
Она похожа.
Стою и жду.
Скорей бы тьма сгущалась...
А молодость —
К кому же возвращалась.

ДЕВУШКАМ

Я не пишу о вас,
Я твердо слово дал.
Вы мне никто теперь.
Все кончено. Финал.
Теперь вы чужды мне,
Я не пишу о вас.
Всю жизнь по мне скользил
Лишь холод ваших глаз.
А нежность ваша прочь
Спешила от меня,
И сам я прочь бежал,
Браня вас и кляня.
Но, проклиная вас,
Я вас благодарил,
Но, проклиная вас,
Я вас боготворил...
Я не пишу о вас,
Я столько написал
О вас хвалебных строк!
Все кончено. Финал.
Не раз был из-за вас
Я критикой браним,

Сто клятв давал молчать
И был неверен им.
Вот и сейчас тайком
На строчечной тропе
Мы встретились опять,
Сошлись судьба к судьбе,
Как в прошлые года,
Хотя, что ни пиши,
Вы не были тогда
Так дивно хороши.
Мне, правда, не к лицу
Подобные слова —
Отец я, дочь растет,
Седеет голова.
Мне мимо бы пройти,
Какое дело мне?
Но в вас сияет жизнь,
Как в этом вешнем дне.
А в давние года,
В те трудные года
Вы были на мужчин
Похожи иногда.
В те давние года
В шинелях, сапогах
Вы шли в огонь и гром,
Превозмогая страх.
Чернили ветры вас,
И клевета, и боль,
Но что вам чернота,
Вам было до нее ль?..
Ведь золото везде
Есть золото, ему

И слава и хула,
Наверно, ни к чему...
В те трудные года,
В те давние года
Мы силу ваших чар
Снижали иногда.
О, этой силы власть —
Не свергнуть, не прогнать, —
Я клялся вас забыть...
И снова сел писать,
И длинно написал,
Излишне, может быть.
Всю жизнь я в вас влюблен —
Не в силах разлюбить.
В сиянье ваших глаз
Свет юности моей...
Ведь я любил не вас,
А ваших матерей.

ДВА ДЖИГИТА

Два джигита шли по улице,
Два джигита шли.
Пели песню развеселую,
Пели, как могли.

Вдруг притихли, смолкла улица,
К ним из-за угла
Вышла девушка красивая,
Мимо них прошла.

И один джигит товарищу
Тихо говорит:
— На тебя глядит красавица,
Ну, пропал, джигит.

А другой ему: — Выдумывай!
Это ты — пропал,
По тебе метнула стрелами,
Ты и наповал...

Шли по улице приятели,
Головы склоня,

Каждый думал: «А ведь истинно:
Не его — меня...»

Ну, а девушка, по совести,
Не видала их,
Торопилась... Где-то, может быть,
Ждал ее жених.

А джигиты шли — да кто ж они? —
Пленники мечты...
Я — один. Другой, не смейся, брат,
А другой был ты.

* * *

Из свертка жизни неудобного
Роняю годы, счет сбивая.
Давно иду, а слова доброго
Всё вам сказать не успеваю.
Слетают годы, горем сброшены,
Слетают, вётрами кружимы...
Но ты пришла ко мне, хорошая,
И потеплели даже зимы.
Идем с тобой, всё делим дочиста,
И легче шаг, и путь быстрее...
Боюсь, сказать того, что хочется,
Тебе за жизнь уж не успею.

* * *

Дорога, море, горная гряда, —
Я одиноким не был никогда...
Когда вздыхал: «О как я одинок!..» —
Сказать по правде, пес лежал у ног.

А не было его — и я с травой,
С деревьями вел разговор живой.
Их не было — надежды не терял
И тайны сердца звездам поверял.

Когда же тучи поглощали их,
С моей души туман срывали вмиг
Стихи мои — и радость и беда, —
Я одиноким не был никогда.

ПОЭМЫ

РУБАШКА

ВСТУПЛЕНИЕ

Черная земля моя, родная,
Черная — от края и до края,
Черная земля моя — зеленая,
Красная, как будто опаленная,
Черная — сверкает желтизною,
Бурою становится от зноя.
Белая земля моя, седая,
По весне чернеет, оседая...
Свод над головою голубой,
Тучи чередой — над головой.
Сколько гроз над нею прогремело,
Молнии в мое вонзались тело...
Родники сливаются и реки,
Люди здесь встречаются навеки...
Черная — меня на белый свет
Родила, чтоб я оставил след,
Наделила с щедростью удачей,
Подарила радости в придачу

И тревогами — не обделила,
Накормила, жажду утолила...
Как рубашка, что на мне надета,
Ты, земля, близка мне — ближе нету!..
Черная земля — мой полдень белый,
Черная земля — моя могила...
Золотая — ты мой труд и сила,
Ты — рубашка, что прильнула к телу...

1

Дым из трубы стоит столбом,
Хлопот и света полон дом:
К байраму нынче Асма
Сбивает в кобэ масло.
Байрам сегодня. И она
На кыстыбый нашла пшена.
Муки нашла на тесто:
Пришедшим — честь и место!
Но на земле — война. Гостей
Давно не ждут. А ждут вестей
В тревоге и надежде,
А все, что было прежде, —
Ушло. Забыто. Третий год
Идет война... Война идет
За Родину святую...
Забыты сабантуи...
Средь слез, и горя, и потерь
До сабантуев ли теперь?
Но вот сегодня Асма
Сбивает в кобэ масло...
Огня и света полон дом:

Байрам рубашки нынче в нем,
Рубашки праздник нынче —
Такой у нас обычай...
Обычай... Они порой
Иному кажутся игрой
И странною забавой,
Но я пою им славу!
Народный праздник!.. Испокон
Самой землею он рожден:
Кончает сев весенний
Народ у нас весельем...
В знак окончания работ
Хвалу земле он воздает —
С ее лишь разрешенья:
Байрам — как завершенье...
...Сейчас в полях опять страда —
Пора горячего труда:
Настало время жатвы,
И солнце светит жарко.
У старой Асмы — стол готов:
Ансафу, внуку, пять годков!
В день этот чистый, ясный
Большой байрам у Асмы!

Праздника светлей для Асмы нет:
— Ты, Ансаф, большой — тебе пять лет!
Полагалось в честь такого дня
Твоему отцу седлать коня
И рубашку на тебя надеть —
Ту, что сам он, в свой такой же день,
Надевал, — да и с тобой верхом
По селу промчатся с ветерком...

Провести бы праздник надо так...
Но отец сейчас в огне атак,
Но отца-то рядом с сыном нет
Уж, наверно, более трех лет...

По дому весь день хлопочет Асма:
Затопила баню, сбила масло,
А на сердце так светло и ясно:
С праздником!..
Сумерки. Дневной стихает шум.
Возвращается домой Гульсум.
И в душе ее сегодня свет:
«Мой сынок Ансаф, тебе пять лет!
С праздником!..»
Все быстрее идет она, быстрее...
Ох, и повезло же Асме с ней!
— Да, уж мне с невесткой повезло,—
Говорит свекровь на все село: —
Оттого ль, что тяжестью войны,
Что бедою соединены,—
Вдруг исчезла вечная вражда,
Словно не бывала никогда...
Девочка — вошла невесткой в дом,
Стала юной матерью потом
И солдаткой обернулась вдруг...
Сколько же досталось бед и мук
Ей на долю... Трудно рассказать...
А терпенья ей — не занимать!
День-деньской, не покладая рук,
Трудится она среди подруг,
Терпелива — что ни говори,—
Трудится с зари и до зари

В ожиданье — только б жив-здоров
Муж вернулся под родимый кров...
Муж невестки — сын родимый мой...
Вот бы он сейчас пришел домой —
Прямо на байрам, на торжество!..
Ох, скорей бы увидеть его!..
(Если б сын переступил порог,
Знала б Асма: есть на свете бог...) —
...Гульсум спешит домой... О если б вдруг
Сейчас письмо бы с фронта прилетело!
Гульсум спешит. И ловит каждый звук:
Не письмоносица ль в тумане белом?..
Гульсум спешит. Девчонка-почтальон
Торопится навстречу, к ней направлясь.
В потертой сумке — чей-то крик и стон,
В потертой сумке — чья-то боль и радость...
Сейчас сольются тропки — и одна
Соединит их общая дорога...
Гульсум не знает, с чем сейчас она
Вдруг встретится, объятая тревогой...
И Асме невдомек — что с ними будет...
(А баня уж совсем раскалена...)
Невестку ждет, задумавшись, она,
И праздник в ней воспоминанья будит:

«А жизнь-то не просто далась мне —
Кто есть, а кого-то уж нет:
Стоят лишь надгробные камни,
Свидетели прожитых лет.
Ушедшего мужа надгробье
Чернеет на горке крутой...
Мой сын — его плоть и подобье —

Остался в пять лет сиротой...
Отцом пятилетнего сына
Сам стал он... Как время бежит!..
(И Асма, склонившись устало,
Огонь в очаге ворошит...)
А мой нареченный — горячим
Был в схватке с нелегкой судьбой:
Смеясь, он встречал неудачи,
А плакал — от счастья порой.
Ему не досталось на долю
Достатка — мечтами он жил,
Он в жизни не всем был доволен,
Но жизнью самой дорожил...»

2

Подкладывает старая поленья —
Байрам сегодня, ах, какой байрам!..
Сегодня будет вволю угощенья:
Айран да масло, масло да айран..
Давным-давно уж в кобэ сбито масло,
И все готово... Кажется, вот-вот
Калитка скрипнет... Вздрогнет сердце
Асмы...
Калитка скрипнет... Сын ее войдет..
И вправду — заскрипели вдруг ворота.
Вскочила Асма: бог нам шлет кого-то!
И в дом их, полный света и тепла,
С потертой сумкой девушка вошла.
Нет, не Гульсум сейчас у двери стала..
(Пришел — войди! Для всех открыта
дверь!..)

А почтальон, что носит в сумке старой
И радость, и печаль, и боль потерь...
Что носит горе... Лучше б в эти двери
Ей не зайти сегодня, не зайти...
Хоть день повременить, по крайней мере...
Эх, все равно судьбы не обойти!..
Сказала Асма: — Все я, дочка, вижу,
Написано все на лице твоём...
Не отвечай, но подойди поближе:
Ведь горе в наш сегодня входит дом?..—
Сказать не в состоянии — та кивнула.
— Так это правда?..— Слезы лишь в ответ.
— Так это правда? — Молча протянула
С бумагой похоронною пакет.
И Асма тут застывшими руками
Взяла ее — и к печке в тот же миг,
И бросила бумагу эту в пламя;
Взвился огонь, метнулся и затих...

И Асма девушке говорит:
— Взгляни, как в моем дому
Горе горит, горе горит
И пропадает в дыму.
Нет его! Превратившись в дым,
Оно улетело давно...
Зачем явилось к дверям моим
В праздничный день оно?..
Иди — да помни: глаза твои
Не видели ничего!
Иди — да помни: уши твои
Не слышали ничего...—

И девушка ушла.
Явилась вскоре
Гульсум... Спокойна Асма в тишине,
Как будто впрямь в огне сгорело горе...
«Ох, как же повезло с невесткой мне!..»

3

Нынче празднику каждый рад,
Все соседи давно уж в сборе.
В доме — радость, а в сердце — ад
От невыносимого горя...
Расстоянье меж ними смерть —
Между радостью и печалью.
Радость — в доме!.. Держись, не смей,
Чтоб глаза о беде кричали...

Запах пищи щекочет нос:
Дети замерли в ожиданье.
Долго ждать бы им не пришлось:
Мама моет Ансафа в бане.
А соседи о том, о сем
Всё толкуют, собравшись вместе,
А по сути — всё об одном:
— Этот жив... Тот пропал без вести...—
Приумолкли, взгрустнув, устав
От печальных воспоминаний...
...Но открылись тут двери бани:
— С легким паром тебя, Ансаф!..
Гляньте, яблока он румяней!..
Чист как совесть он и как честь! —
Все мальчишки и все соседки

Им любуются — все, как есть!
Как минуты такие редки!..

Открывает Асма сундук —
Все мгновенно замолкли вдруг:
И торжественно, с самого дна,
В наступившей на миг тиши
Из белёного полотна
Достает рубашку она —
Не рубашку, а часть души,
Нет, частицу прошедших лет,
Испытаний, тревог и бед,
Драгоценную жизни часть,—
Сохраниться б ей, не пропасть!..

Асма молвила в тот же час:
— Есть обычай в роду у нас:
Когда сыну минет пять лет,
Должен сразу отец его,
Чтоб отпраздновать торжество,
Нарядить в рубашку свою,—
Так ведется в нашем краю,—
В ту, в которую сам одет
Был когда-то — в свои пять лет.
И во славу этого дня
Должен он оседлать коня,
На него вместе с сыном сесть...
Да, такой уж обычай есть!..
Конь, оседланный далеко,
На него вскочить нелегко...
В этот день на своем коне
Сын мой скачет в сплошном огне...

...Ох, как на сердце тяжело...
Горе душу огнем сожгло...
Только Асма, едва жива,
Подбирает дальше слова:

— Нет оседланного коня,
Он в бою... Подожди, Ансаф,
Будет час — и в сиянье дня
Полетишь меж высоких трав...
Нет отца... Он сейчас в бою...
И тебе, Гульсум, в этот день
Я рубашку эту даю,
Ты на сына ее надень.
Береги ее пуще глаз,—
Я сама плотно ткала:
Муж твой был, как Ансаф как раз,
Я ж, как ты, молодой была...

В рубашке этой — пот и труд упорный
И пламя сердца свекра твоего.
В рубашке этой — сок родимой, черной,
Живой земли — и плоть и естество.
В рубашке этой — влага Эрачаза,
Долины, где всходила конопля,
Вкус Ак-Шишмы, чей звон — как звуки саза,
Печаль и радость, что дала земля.
В рубашке этой все сплелось, как нити,
Что в ткани вдоль и поперек бегут:
Лучи и дождь, надежды и открытья,
Свет глаз моих и молодости труд...
Рубашку эту мы с отцом надели
На мальчика... О сколько утекло

С тех пор воды... Была на детском теле
Она... Я чую и сейчас тепло...
Ансаф, о будь таким же человеческим,
Как твой отец! Свободен духом будь!
Как и отец, определи свой путь
И все вокруг согрей теплом сердечным!
Гульсум! Тебе великое спасибо...
Пусть сын твой будет на тебя похож.
Хочу, чтоб вместе вы по жизни шли бы,—
Я верю — в нем ты радость обретишь.
Настанет день... И этот праздник снова
Здесь в доме грянет... Только мне на нем
Уж не бывать... Что делать — жизнь сурова...
Прошу тебя, невестка, об одном:
Пусть будет у тебя рубашка эта,
Куда б кого судьба ни привела.
Она должна на внука быть надета
Здесь — на виду у целого села.
Прошу, края не покидайте эти —
Родной землей сильны людей сердца.
Ведь человек всегда на белом свете —
Живая память деда и отца.
Я отдаю, невестка, с сердцем вместе
Тебе рубашку сына в этот день.
Она — как знак достоинства и чести,
Ее на сына своего надень.
Сегодняшний свой день и день вчерашний
В тебе я вижу: ткань надежд и мук...

Взяла Гульсум из рук ее рубашку
И к полотну лицом прижалась вдруг.
Поцеловать? Прикрыть лицо хотела?

Не разберешь — хотела ль слезы скрыть?..
Не разберешь — да разве в этом дело?..
Все может быть, о да, все может быть...
Молчанье. Только вздрагивают плечи
У всех — и у Гульсум, и у гостей..
— Не надо плакать... Ведь должны беречь мы,—
Сказала Асма,— праздники детей...—
А у самой в душе — такое горе,
Такие муки — выразить ли их?..
Байрам в разгаре...
Все соседи в сборе.
И наступает самый главный миг:
Представив сына скачущим на белом
Степном коне с утра и дотемна,
Гульсум рубашку на него надела,
Рубашку из простого полотна.
Стоит Ансаф в заботливо хранимой
Отцовской той рубашке средь гостей..
О, есть минуты, что неповторимы,
Непостижимы в красоте своей!..

4

Ты понимаешь ли, Ансаф,
Тот миг уже не повторится!
О если б мне, тобою став,
На миг в те годы возвратиться!..

Кто ты, Ансаф? Не сын ли мой,
Оставшийся моей мечтой?
Не в ту ль рубашку ты одет,
В какой я был в свои пять лет?..

И бабушка твоя — как знать!
Как знать! — уж не моя ли мать?..

...Первейшая умелица села!
О сколько мама мне рубашек сшила...
Сама пряла и холст сама ткала,
Сама его белила и сушила...
Ох эти нитки!.. За движеньем рук
Не уследишь... Глаза не успевают...
Когда, бывало, меж ладоней вдруг
Она веретено свое пускает:
В ее руках, как вихрь, веретено
Вращается, а нитка бесконечна,
Всё тянется, пока жужжит оно...
А ниток-то продольных, поперечных
Десятки верст!.. Коль их соединить,
Весь шар земной ты обмотать сумеешь.
Спряденную тобой кто смерил нить?
Ты и сама вовек ее не смеришь.
Ох эти нитки!.. Как их плоть тонка —
И как крепки они на самом деле...
Они сквозь тело ткацкого станка,
Как сквозь ушко иглы, пройти сумели...
О матери, постигшие всерьез
И тайны ткани, и секреты пряжи,
Стихи ли то, что мне писать пришлось?
Они грубы, порой корявы даже,
Порой непрочны...
Пряжу я пряду,
На шпульку нить наматывать пытаюсь...
Не знаю: славу ли пою труду
Иль трудностями просто похваляюсь?..

Петь труд простой — труд, когда спину гнут,
Иль проклинать, считать его мученьем?..
Но ведь к земле гнет наши спины труд..
К земле родной! А есть ли что священной?!
О матери!.. В дар будущим векам
Я памятник воздвиг бы их рукам..
...Я — как рубашка та, что мать моя
Пряла, ткала и сшила из холстины..
Я — с той земли, где лен и конопля,
Где дождь и солнце слиты воедино.
Ансаф! На теле на твоём мягка
Земля — роса, и дождь, и полдень белый..
О как она тебе и мне близка,
Земля-рубашка, что прильнула к телу..
Я лет своих разматывал клубок
И удалился в прошлое — простите!..
И вновь вернули на родной порог
Меня те нескончаемые нити...

5

Байрам!.. Весельем полон дом,
В разгаре праздник.
Смех кругом.
Уж кыстыбый весь съеден,
И подают соседям
Айран — бывает ли свежей?!
Рты у мальчишек — до ушей..
В ладоши бьют,
В ладоши бьют,
И гости пляшут и поют..
А в середину, пыль подняв,

Ворвался бурю Ансаф:
То вихрем взмает, то волчком
Завертится, то каблучком
Пристукнет вдруг и вновь взлетит
С душою нараспашку,
И белизной на нем горит
Отцовская рубашка.
Так пляшет он, не чуя ног,
Нет, ноги ходят сами —
По кругу, вдоль и поперек,
Взвивается, как пламя...
Откуда это мастерство?
Нам не открыть секрета:
Кто научил плясать его?
В крови ль уменье это?..
Гульсум любит: «Отца
Он вылитый портрет!»
И шепчет Асма: «И с лица
И по повадкам — дед...»
В ладоши бьют,
В ладоши бьют,
Словцом подбодрив метким,
И песню весело поют
Мальчишки и соседки:

«Кто рубашку эту ткал?
Кто посеял? Кто убрал?
Пряжу пряд и нить сучил?
Кто холстину побелил?
Кто вальком побил слегка —
То ль свекровь, а то ль сноха?
Кто надел рубашку вдруг?

Чей он сын и чей он внук?..
Лебедь бел,
Лебедь бел,
Крылья белые надел...»

Ансаф взмывает, как огонь,
Стучит ногами дробно,
Как мчащийся на скачках конь,
Путем летящий ровным.
Летит Ансаф,
Плывет Ансаф,
Самозабвенно пляшет...
Вот он к дверям летит стремглав,
Рукой, как саблей, машет.
И — в дверь открытую...
За ним
Рванулись все ребята.
Один несется за другим
По улице куда-то...
И Асма видит сквозь окно,
Как вовсе без усилий
Ансаф всех обогнал давно,—
Его рубашки полотно
Трепещет, словно крылья...
И ей сдается: не Ансаф
Бежит среди детей,—
Его отец, ребенком став,
Пройдя сквозь сто смертей,
Домой вернулся невредим
И мчится по селу...
О как она сейчас за ним
Следит, припав к стеклу!..

И вдруг, не выдержав, она
Бежит из дома прочь...
Душа отчаянья полна,
Молчать уже невмочь...
Укрыться бы от всех скорей —
Заплакать бы навзрыд...
...Гульсум, следившая за ней,
Сейчас же вслед спешит...
— Не знаешь, дочка, ничего,
Какие с нами беды...
— Все знаю, мама... Оттого
И выбежала следом.
Какие скажешь тут слова?
От горя будто стыну:
Наполовину лишь жива —
Мертва наполовину...
— Аллах, терпением награди
Тебя, сними усталость...
Ведь у тебя — все впереди,
А я — что мне осталось?..
— Нет, мама, нет, живи сто лет,
Еще сто лет на свете!
Ведь без тебя нам свет не свет,
Мы без тебя — лишь дети... —
...А вдоль по улице Ансаф,
В мечтах гнедого оседлав,
Летит, летит, как ветер.

эпилог

В тени прохладной под бананами-
Ребенок спит. Ребенок спит.

За Гималаями туманными,
Как полог, духота висит.
В густой листве — за Гималаями —
Столетний попугай живет.
И никогда над попугаями
Снег не идет. Снег не идет.
Ребенок спит. Коляска светится,
Как колыбель из серебра.
Склонилась мать в сиянье месяца
Над ним, как бабушка, добра...
Тишь и согласие над планетою,
И на чужбине мальчик спит...
Придет отец, пропахший нефтью,
И над коляской постоит...
Отец — Ансаф:
Уралом посланный,
Бурит пласты чужой земли.
Луга, осыпанные росами,
Зовут из голубой дали...
В тени прохладной под бананами
Ребенок спит.
А вдалеке
Лежит рубашка полотняная
В железном, старом сундуке...
О человек растущий! Многое
Ему проделать предстоит...
Перед далекою дорогою
Ребенок спит. Ребенок спит...
Домой он скоро возвратится —
На землю деда и отца,
В рубашке
На коне помчится
Путем, не знающим конца...

ОДИННАДЦАТЬ ПЕСЕН О ДРУГЕ

РОДНИКИ

Из двадцати одного родника
Пьет мой аул и не может напиться.
Песнями мне предстоит насладиться
Из двадцати одного родника —
И перелить их в живые сердца,
Изнемогающие от жажды...
Полон мелодией собственной каждый —
Бьют родники и поют без конца.
Песню от песни учусь отличать:
Словно словам я внимаю их звону, —
Как и вчера, говорливо, бессонно,
Им и сегодня, и завтра журчат...
— Кто понимает этот язык,
Разнообразный, и вечный, и странный?.. —
Мне отвечают: — Спроси-ка Гилвана,
С юности он эту мудрость постиг.
— Только Гилван? Неужели — один?..

— Мы еще молоды. Он — наш учитель...
— Есть и постарше его — поищите!..
— Да, но Гилван же — земли самой сын!
— Ну а мы все — что вблизи и вдали,
Дышим, творим, — не сыны ее, что ли?
— Прав ты отчасти... Да только легко ли
Сделаться подлинным сыном земли?..
И от земли своей неотделим —
С талого снега до первого снега...
Солнце ли в небе, ливень ли с неба —
Он с головой непокрытой под ним.
С черной землею, с травою, камнями
Он неразлучен и ночью и днем:
Он — словно дуб, уходящий корнями
В землю, и соки земли этой в нем.
Солнце взойдет — и своими лучами
Первого сразу его озарит.
Ветер взовьется — Гилвана вначале
Он поцелует — и в небо вспарит.
Вкус родников ему с детства известен —
Каждого из двадцати одного...
И отличает он песню от песни,
С каждой из них ощущая родство.—
...Так, послужить мне советом готовы,
Все земляки рассказали о нем.
Низкий поклон им за доброе слово —
Доброе слово о друге моем!

Кто ж он? Как видно, не слишком-то прост он,
Властно влекущий к себе, как магнит...
Чем же велик он? Душой или ростом?
Чем он обычен и чем знаменит?

Дай мне, Илах — бог любви, вдохновенье
И обостри мое зренье и слух;
В мир поэтических озарений
Дай мне проникнуть, друг мой пастух!..

Песня первая

МАТЬ

Разлилась Агидель —
Лишь сгорели снега:
Под водой оказались
Леса и луга.
Покрываются зеленью
Склоны горы:
Вот раздолье ребятам
Сейчас для игры!
Вскачь на прутиках мчатся,
Взнуздавши коней,
Так, чтоб искры летели бы
Из-под камней!
Взрослым, ясное дело,
Не до игры...
Но на склоны взгляни —
Сколько там детворы!
Поиграй, да поспи,
Да опять на коня...
Отдыхать да скакать
Не хватает и дня!..
Но сегодня Гилван
Не выходит сюда...

В его доме — народ,
В его доме — беда...
«Мама! Мама!..» — он плачет,
В глазах — темнота.
Сокрушаются люди вокруг:
Сирота...
Родниковой воды
Принесли на заре,
И обмыли ее,
И предали земле...
Ах, как страшно звучит:
Мать не есть, а была...
Я домой поспешил:
Меня мама ждала...

Песня вторая

ЖЕРЕБЕНОК

Косьба. Над степью запах трав
Плывет и густ и тонок...
Тревожно на лугу заржав,
Понесся жеребенок —
С конца в конец, назад-вперед...
Он рвется вдаль куда-то
И, надрывая душу, ржет,
Отчаяньем объятый.
Бедняжка, потерял он мать,
Но все же, веря в чудо,
Не устает ее он звать,
Ее искать повсюду...

И сердце за него болит —
Ведь я помочь не в силах...
Смотрю я: с малышом стоит
Невдалеке кобыла.
И жеребенка своего
Голубит и ласкает...
Что до других ей! Никого
Она и знать не знает!..
Счастливцу среди ста дорог
Один лишь путь известен,
Счастливцу тесный мир широк,
А мир широкий — тесен...
Покос в лугах... И ранний час
И оживлен и звонок...
Искал, скакал — и скрылся с глаз
В тумане жеребенок...

Песня третья

шило, сапоги, бешмет

Стучали в окна дождь и град.
Гилван пришел в аул назад.
Какие сапоги на нем,
В каком бешмете он —
Таких не сыщешь днем с огнем!
Аул — ошеломлен.
С него я не спускаю глаз —
Конечно, тут как тут.
Всего лишь лето скот он пас,
А так одет-обут!

Бреду я к дому своему
Как будто сквозь туман:
Как я завидую ему!
Ну, молодец Гилван!..
Какое шило он привез,
А что за рукоять!
Он мне, не дожидаясь просьб,
Дал в руки подержать...
Мне б шило то! И я, хоть мал,
Кем только бы тогда ни стал!..
За лыком в лес пошли вдвоем,
Гилван, врагам на страх,
В бешмете шествовал своим
И в новых сапогах...
А я — в лаптях,
Ищу ответ
В неясном свете дня:
А будут ли когда иль нет
Такие сапоги, бешмет
И шило — у меня?..

Песня четвертая

поля, дороги...

Есть ли песня, чтобы без подмоги
Нашего Гилвана зазвучала?
Есть ли где у нас поля, дороги,
Где б нога Гилвана не ступала?
Загсралась ли заря в полнеба,
Чтобы с ней Гилван не повстречался?

Есть ли место на полянах, где бы
След его костра не оставался?
Есть ли на лугу цветы-растенья,
Вовсе не известные Гилвану?
Обращались в жажде исцеленья
Дальние и местные — к Гилвану.
По тропе извилистой и узкой
От зари он бродит до зари.
Близок людям он:
Средь русских — русский,
А среди марийцев он — мари...
Нет на склонах каменных, пологих
Родников, откуда бы не пил он,
Нет такого поля и дороги,
Где б нога его не проходила...

Песня пятая

МОМ ШТЕТ? МОЛАН? ¹

— Что ты так поздно? Где застрял..
Мом штет? Молан?
Овцу ль, корову потерял,
Пастух Гилван?
Ты все молчишь: ни «нет», ни «да»...
Мом штет? Молан?
Стряслась ли вдруг с тобой беда,
Скажи, Гилван!..
Что так не весел ты сейчас?

¹ Что делаешь? Зачем? (марийск.)

Мом штет? Молан?
— Ведь все мальчишка я для вас —
Пастух Гилван...
— Что? Непонятен твой ответ!
Мом штет? Молан?
— А мне ведь девятнадцать лет,—
В ответ — Гилван.
— Ну что же, близко к двадцати!
Мом штет? Молан?
— Теперь покой прощай-прости!..—
Угрюм Гилван.
— Но так ты грустен почему?
Мом штет? Молан?
— Жить надоело одному! —
В ответ — Гилван.
— Возьми гармонь, на игры выдь.
Мом штет? Молан?
— Что толку в играх может быть?
Один обман!
— Ну, отчего ты так сердит?
Мом штет? Молан?
— Мне одиночество претит,—
В ответ — Гилван.
— Сыном тогда обзаведись...
Мом штет? Молан?..
— Без мамы тут не обойтись,—
В ответ — Гилван.
— Что ж, маму приведи сперва.
Мом штет? Молан?..
— В шалаш? Но там одна трава! —
Убит Гилван.
— Ведь с милой рай и в шалаше.

Мом штет? Молан?..
— Но Саликэ не по душе
Пастух Гилван..
— Найдешь другую!.. Удручен
Ты зря! Молан?..
— Вам кажется — без сердца он,
Пастух Гилван?..—
...И он, в сердцах махнув рукой,
Ушел в туман...
Марийской дочкой Саликой
Сражен Гилван...

Песня шестая

ГИЛВАН-ИВАН

Из дома в дом —
То дальний путь, то близкий —
Гилван
От песни к песне
Устремлен...
То по-башкирски пел,
То по-марийски,
А нынче слушает Марусю он:
«...Петь будем и плясать будем,
Милый мой Гилван!
А смерть придет — умирать будем,
Ох, Гилван-Иван!..»
...О молодость!..
Лишь повела плечами
Мария — закружилась голова
У парня:

Небывалыми лучами
Озарены и камни и трава.
Осыпана цветами
Путь-дорога,
Прекрасно всё!..
Мария — краше всех!
То ласково глядит она,
То строго —
Какой задор!
Какой манящий смех!
Взгляните на нее:
О сколько света
В ее глазах...
Гилван —
Как счастлив он!..
Он хочет сына
К будущему лету...
А мир,
В наряды вешние одетый,
Черемуховым цветом напоен.
Бессонны ночи, безоглядны дни...
Сыграют свадьбу осенью они:
«Пить будем и гулять будем,
Маруся-ханум!..»
А смерть придет — умирать будем,
Маруся-ханум!

На свадьбе не плясал, не пел Гилван:
Не довелось — и не его вина.
Горело лето. Грянула война.
И воевать ушел Гилван-Иван.

Песня седьмая

женщины

Остались без Гилванов и Иванов
Повсюду и аулы и селенья...
Когда о том рассказывать я стану,
Пожалуй, усомнятся поколенья
Грядущие... Пожалуй, не поверят:
Чем наши трудности они измерят?!

Да нужны ли рассказы?
Не расскажешь всего:
Нашим сестрам досталась
Тяжесть мира сего.
Запрягали корову
В наших селах весной
И впрягались с ней рядом
Сами бабы порой.
Всё они выносили
В эти страдные дни,
Да еще и смеялись
Над собою они:
«...Запрягли — оттого что
Нет коней?.. Пустяки!..
Оттого на них мы пашем,
Что ушли пастухи:
Пропадут без присмотра —
Мы должны их спасти!
Нет в ауле Гилвана —
Кто их станет пасти?..

Мы коров караулим,
Не спускаем с них глаз...
А Гилван возвратится —
Все наладится враз!..»
А Гилвана все нету.
«Ох, вернулся б скорей!..
Говорили, что где-то
Он с Марусей своей
Повстречался — слышали? —
С ней в огне и в дыму...»
Повторяли, вздыхали:
«Уцелеть бы ему!..»
Будто жгла его рана,
Пропадал он от мук,
И Маруся Гилванов
Зов слышала вдруг...
...Сколько было тех «будто»...
Где тут правда, где ложь,
Разобраться не пробуй —
Всё равно не поймешь...
Вот когда он вернется,
Одолев этот ад,—
Он во всем разберется,
И пойдет все на лад...

Песня восьмая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И вот желанье их сбылось:
Гилван пришел домой,
Прошитый пулями насквозь,
Ни мертвый, ни живой...

На сердце праздник, торжество,
И ясен солнца свет...
Но где Мария? Отчего
Ее с тобою нет?..
— Ведь воевать — не скот пасти
На пойменном лугу...
— О чем ты говоришь? Прости,
Понять я не могу...
— Я повторяю: воевать
Не то, что скот пасти...
Ведь с поля брани суждено
Не всем домой прийти...
— Где руку потерял свою,
В какой чужой дали?..
— Оставил я ее в бою,
Когда в Берлин вошли...
— В ауле поживешь пока
Иль сразу — с глаз долой?..
— Вторая здесь моя рука:
Ведь я пришел домой...
— Но одному и в шалаше,
И во дворце беда!..
— Уж коль я вам не по душе,
Совсем пропал тогда!..
— Уж больно скор ты на язык,
Хоть молчалив на вид...
— Скор на язык?
Уж так привык!
Зато — не ядовит...—
...Вздыхали бабы:
— Ладно уж,
Брось шутки хоть на миг..,

Безрукий муж —
Чем он не муж?
Есть руки — у самих!..

Песня девятая

МАЛИКА

Коль он останется в живых,
В аул вернется снова,—
Не горевать!
Не унывать! —
Гилван себе дал слово.
Зачем же встретил Малику
На узкой тропке он,
Похожую на Салику,
Которой был пленен
Когда-то в юности... Зачем?
Ведь в гости шел к соседу,
Что в двух шагах живет... Зачем
Он с ней завел беседу?
Не разойтись: тропа узка,
А чернокошая близка...
Гилван глядит несмело,
И вновь
Щемящая тоска
Гилваном завладела...
«Зачем?.. Зачем?..» — видать, своей
Судьбы не обойти,
И может, ты — судьба моя,
Что встретила в пути?..

Песня десятая

НЕ РАССТАВАЙСЯ СО СВОЕЙ ЛЮБИМОЙ!

М а л и к а

Не приходил бы чуть не каждый день —
И на меня не навлекал бы славы.
О вдовах поболтать кому не лень?
И в осуждении своем все правы...

Г и л в а н

Пускай болтают!.. Мы равно с тобой
Обречены на сплетни... Что скрываться?!
Есть крыша у тебя над головой
От пересудов и дождя спастись...

М а л и к а

Не приходи, Гилван! Ведь, как назло,
И у меня нет ничего... Не надо...
И знай, кому хоть раз не повезло,
Не повезет и во второй, и в пятый...

Г и л в а н

Что ж, разве оттого, что у меня
Нет ничего, — душа твоя узка?
Нет, я не обездолен: у меня
Одно есть сердце и одна рука.

М а л и к а

Не говори, Гилван... Душа моя
Настороже: Мария — в сердце этом...
Смогу ли жизни радоваться я?
Смогу ль внимать я песням недопетым?..

Г и л в а н

Моим блужданиям наступил конец —
Извилистым путям неустойчивым...
Счастливой стань, о встреча двух сердец!..
Не расставайся со своим любимым!
Проходят годы — жить еще и жить! —
Находки-годы, вы неповторимы...
Сто лет еще тебе счастливой быть...
Не расставайся со своим любимым!
В моей душе живет, как песня, грусть,
Грусть, как и радость, не проходит мимо.
Печаль в твое проникла сердце? Пусть!
Не расставайся со своим любимым!..

Песня одиннадцатая

ЛЮБОВЬ

Не сердись на меня. Но скажи, отчего
У тебя, Малика, сердце так очерствело?
Оттого ль, что в Гилване себя самого
Вижу я,— я жалею его без предела.
Полюбить, но любимым не стать? По себе
Знаю я, Малика,— это смерти подобно!

С этим чувством в своей повстречался судьбе
И его испытал глубоко и подробно...
Ты богатою стать захотела? Но сам
Наш Гилван, драгоценный мой друг,— разве
беден?

Малика, умоляю, отправимся к нам,
Все богатства Гилвана увидишь... Поедем!..
Лишь достойная нашим джигитам близка,
Недостойных, поверь мне, Гилван не заметит...
Тем, в ком бьется живая душа, Малика,
Нашу землю чужая земля не заменит.
Кто хоть раз наклонялся у нас к роднику,
Из других утолить своей жажды не сможет...
...Как-то в солнечный день я привел Малику
В милый край мой, что радостью душу тревожит...
Мы ходили вдвоем... И я начал рассказ
О зёмле — и о славе ее, и о силе:
— Та вершина Емалгой зовется у нас,
На Урале Емелькой ее окрестили...
Даль за лугом лежит, Малика, погляди,
Яуйыйды зовется она — «поле боя»,
А вон там Кандаулы лежит впереди —
«Место пролитой крови»: здесь пали герои...
Здесь какие джигиты рождаться должны!
Над просторами этими небо так чисто!..
Как на этих полянах все травы нежны,
Как средь этих лугов Агидель серебриста!..
И каким только цветом ни льется она,
И какими тонами сияют соцветья!
Ну, какая еще тебе прелесть нужна —
Жить без той красоты невозможно на свете!
По тропинкам подыдемся в горы. Легки,

Вниз по склону сбежим... Глянь, как мир
необъятен!

Ты послушай, как тихо поют родники,—
Неужели тебе их язык непонятен?
Вот течет в Кандаулы рожденный родник:
Он у нас, Малика, называется Славой,
Наших дедов он славит, поет нам про них,
И отцов наших он прославляет по праву...
Этот — Радость: поет свои песни для тех,
Кто не знает печали и грусти не знает.
Он звенит и звенит, словно девичий смех!..
Что слеза, Малика, в твоём взоре сверкает?..
— Ну, еще как зовутся у вас родники?
И какие мелодии ими пропеты?
Вы на выдумки разные, знаю, легки,
Вас на это хватает — на то вы поэты...
— Нет! Обязаны всем мы моим землякам,
Хоть тебе это, верно, покажется странным,—
Это дали они имена родникам,
А точнее, все названия — дело Гилвана.
Если я красотой любоваться привык,
Малика, это тоже заслуга Гилвана;
Если я родников понимаю язык,
Малика, это тоже заслуга Гилвана.
У нас много еще родников, Малика,
Вот — Печалью зовется. Испей из Печали.
— Пью я, видишь, я пью из того родника,
Пью! — И слезы из глаз покатались

ручьями.—

Пью печаль... Но скажи мне, скажи мне
скорей:

Где родник, что Любовью зовут?

— За поляной,
Вот он, видишь?.. К нему наклоняйся скорей.
А с ним рядом родник, что зовется Гилваном...
Мы, наверно, там встретим его в этот час...—
Что я вижу!.. И вправду, раздвинув растенья,
Вышел друг мой Гилван и, увидевши нас,
Задохнулся и замер в немом изумленье.
Здесь он, верно, бродил и бродил день-деньской,
Утолить свою жажду хотел из Печали...
Эй, душа! Ты — любовь вперемешку с тоской,
Наконец-то друг друга они повстречали...
Это — встреча на век или встреча на миг?
О Илах, объясни мне, что все это значит?..
Слезы льет Малика, что-то шепчет родник...
Ах, как сладко она, как безудержно плачет!..
Я уйду... Я оставить их должен одних...

Еще нет конца песням моим...

И я ушел, у ключевой струи
Оставив песни грустные свои.
Пусть в песнь мою Илах вольтет свой свет:
О бог любви, что пред тобой поэт!..
Дороги, что мне выпало пройти,
То кажутся прямыми, то кривыми,
И песни все, рожденные в пути,
То кажутся чужими, то своими...
Я шел и шел... Мир невеликий свой
Расширил, мир пройдя разнообразный.
Моих стихов один конец живой
Всегда к земле родимой был привязан.

Я возвращался... Уезжал... И вот
Сейчас у моря я, в далекой дали...
А песнь моя уже меня здесь ждет:
Пришла она от родника Печали.
И вместе с песней той Гилван ко мне
Сюда явился со своей отарой,
И Малика застыла в тишине,
Прекрасна, словно на портрете старом...
Поэт-пастух, будь стар он или юн,
Покоя он не ведает до гроба.
Что до скота — так у него табун,
Но только собери его попробуй...
Да, странен и причудлив мир поэта:
Порою летом у него зима,
Порою на зиму похоже лето...
Вдруг в будни — праздник,
В праздники — заботы,
И в гости он идет, как на работу,
Как девушка идет на ултырма...¹
Друзья мои, сказать вам не могу,
Как рад, что под одним живем мы небом...
Без вас мой отдых здесь на берегу,
Уж вы поверьте, отдыхом бы не был...
И поселились в сердце вы моем
С великой песней синего прибоя.
Здесь, чудится, вы ходите вдвоем —
Со мной соединенные судьбою.
Твой голос прокатился меж хребтов,

¹ У л т ы р м а — этнографический обычай, когда девушка продолжительное время гостит у родственников со своим рукоделием.

Мой добрый друг Гилван... А перед взором
Ползет отара белых облаков,—
Не ты ли переваливаешь гору?..
Иди к вершинам, ввысь, и не забудь,
Что нашей осени не стать зеленой..
Ведь мы прошли отмеренный нам путь,
И годы вниз уже текут по склону.
Все заглушает яростный прибой..
Но все еще я помню: этим летом
На перекрестке встретились с тобой..
Я вновь твержу: тебя богаче — нету..
С тех пор как вас вдвоем у родника
Оставил я, земля вам стала раем.
Десятерых взрастила Малика,
«Илах, тебе спасибо!» — повторяя..
Из двадцати одного родника
В жажде испил я одиннадцать песен,
А остальные сладчайшие десять
Выпил Гилван и его Малика..

Рук сколько у Гилвана? Он сильнее,
Наверное, божественного Шивы:
Ведь у Гилвана девять сыновей
И дочь одна... Ну как не стать счастливым?!

Так сколько рук?.. Попробуй-ка сочти..
Какая мощь, и сила, и опора!
Нет, пройденного нам не жаль пути,
Но жаль, что мы прошли его так скоро.
И тут ты рассмеялся надо мною:
— Моих-то десять... Ты вот отстаешь:
Как справишься ты с дочкою одною?
С одним ребенком — далеко ль пойдешь? —

...Да, отстаю. И не спешу на кручах,
Я на земле по-своему живу:
Не обгоняю впереди идущих
И ленточку на финише не рву.
На скачках конь, идущий первым,— славен,
И в славе той никто ему не равен.
Тот, кто вдогонку скачет, тратя пыл,
В дороге вдосталь лишь глотает пыль.
Бежать вперегонки — скорей, скорее?!
Но жизнь — не скачки, как тут ни крути...
Я буду счастлив, если я сумею
Дорогу к сердцу твоему найти...
Гилван, Гилван, ты все еще ребенок:
Не разучился восхищаться ты!
Прекрасен мир, и красочен, и звонок
Для тех, кто не бежит от красоты.
Ты миром восхищен... А я — тобой,
Я восхищен тобой, в том нет сомненья,
Хоть сомневаюсь я в себе порой,
В могуществе своем, в своем уменье.
Поэт — он должен быть таким, как ты:
Открытым, безоглядно в жизнь влюбленным,
Что дышит пламенем и из воды
Выходит не погасшим — закаленным.
А слава-то — капризна и странна:
Кому — как хлеб, кому — как груз безмерный...
Герои получали ордена,
Три дня публиковали имена,
Тебя искал средь них три дня, наверно,
И не нашел... Ты — все равно герой.
Что в списках нет — о том тужить не надо:
О если бы написанному мной

Стать для тебя хоть малою наградой!
Чужд моим песням и трезвон и шум,
В молчании я звуки различаю...
Порывы сердца и тревогу дум
Тебе, мой друг Гилван, я посвящаю.
Пусть голос твой звучит у родника,
Летит над полем, над степным простором...
Взбираются к вершинам облака —
Не ты ли переваливаешь гору?
Иди же вверх дорогою бессонной:
Ей нет конца, коль ты — неутомим...
Да, наши годы вниз текут по склону,
А песням нет еще конца моим...

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

Сосед по огню. Перевела Е. Николаевская	7
Родному аулу. Перевела И. Снегова	8
Я — один! Перевела И. Снегова	9
Приглашение другу. Перевела Е. Николаевская . . .	10
Благодарен. Перевела И. Снегова	12
Хлеб, солнце... Перевела И. Снегова	13
Привези моего отца. Перевела И. Снегова	15
Не ищущ... Перевела Е. Николаевская	17
Два всадника. Перевела Е. Николаевская	18
Три песни жизни. Перевела Е. Николаевская	20
«Космонавты говорят...» Перевела Е. Николаевская	22
Что за день! Перевела Е. Николаевская	23
Разговор с деревьями. Перевела Е. Николаевская . .	25
«Лежащий камень...» Перевела Е. Николаевская . .	26
Костер. Перевела Е. Николаевская	27
Не увидел бы сегодня... Перевела Е. Николаевская .	28
«Оттого ль, что быстро привыкаем...» Перевела Е. Николаевская	30
Дождь идет. Перевела Е. Николаевская	31
Стихи, сказанные перед рассветом. Перевела Е. Николаевская	32
Жизнь. Перевела Е. Николаевская	33
Из воды. Перевела Е. Николаевская	34

Горы и реки. Перевела Е. Николаевская	36
Идут снега. Перевела И. Снегова	37
Миляш. Перевела И. Снегова	39
Песня о корове. Перевела И. Снегова	41
И я остаюсь... Перевела Е. Николаевская	44
«Не странно ли...» Перевела Е. Николаевская	46
Скворцы. Перевела Е. Николаевская	47
Огни, минуты... Перевела И. Снегова	49
Загиру Исмагилову. Перевела И. Снегова	51
Если они в пути. Перевела Е. Николаевская	53
Тяжесть. Перевела Е. Николаевская	56
Янган-тау. Перевела И. Снегова	58
Язык земли. Перевела Е. Николаевская	61
«Мгновенье! Вспышка!» Перевела И. Снегова	62
Мое Царское Село. Перевела И. Снегова	64
Два камня. Перевела И. Снегова	67
«На зимнюю Казань...» Перевела Е. Николаевская	69
«Ушла...» Перевела И. Снегова	71
«То ты жарок...» Перевела И. Снегова	73
Придет она или нет? Перевела И. Снегова	74
Девушкам. Перевела И. Снегова	76
Два джигита. Перевела И. Снегова	79
«Из свертка жизни...» Перевела И. Снегова	81
«Дорога, море...» Перевела Е. Николаевская	82

Поэмы

Рубашка. Перевела Е. Николаевская	85
Одиннадцать песен о друге. Перевела Е. Николаевская	103

Наджми Назар

СПАСИБО ЭТОМУ ДОМУ

М., «Советский писатель», 1974, 128 стр. План выпуска 1974 г. № 276. Художник *Г. И. Фишер*. Редактор *Н. Н. Сидоренко*. Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*. Техн. редактор *Ф. Г. Шапиро*. Корректор *М. В. Шварц*. Сдано в набор 21/XII 1973 г. Подписано к печати 29/III 1974 г. А 02066. Бумага 70×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 4 (5,6). Уч.-изд. л. 3,81. Тираж 20 000 экз. Заказ № 808. Цена 41 коп. Издательство «Советский писатель». Москва К-9, В. Гнезниковский пер., 10. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект имени В. И. Ленина, 109